

УДК 1.316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-38-45

АРМИЯ И МАСКУЛИННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИАРХАТНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Семенова Вера Эдуардовна

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Семенова Лидия Эдуардовна

*Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
(Мининский университет)*

В статье рассматривается специфика армии как маскулинизированного социального института современного общества. Рассматриваются ее функции, даются основные характеристики. Анализируется связь армии с патриархатной идеологией, ценностями мужской культуры, традицией поляризации маскулинности и феминности, исключения, подавления феминного и утверждения маскулинного. Показаны некоторые социальные, в том числе гендерные, механизмы институционализации маскулинизированной армии. Описаны происходящие в ряде стран изменения вооруженных сил, обусловленные демократизацией и трансформацией гендерных отношений. Констатируется, что намечающаяся в последнее время тенденция феминизации российской армии носит внешний характер, не затрагивая ее сущностной основы, системы внутренних отношений. Делается вывод о наличии в современной российской армии противоречий, отражающих существующие в обществе тенденции.

Ключевые слова: армия; современное общество; социальный институт; патриархатная идеология; маскулинность; феминность; феминизация армии.

THE ARMY AND MASCULINITY IN THE CONTEXT OF THE PATRIARCHAL SYSTEM OF MODERN SOCIETY

Vera E. Semenova

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

Lidiya E. Semenova

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University)

The article deals with the specificity of the army as masculinity and social institution in modern society. The study marked its functions and key features. The authors explore the relationship of the army with Patriarchal ideology, values of the male culture, tradition polarization of masculinity and femininity, exclusion, suppression of the feminine and masculine approval. They show some social, including gender, mechanisms of institutionalization masculinizing army. Described what is happening in some countries changes of the armed forces, due to the democratization and transformation of gender relations. It is stated that the emerging recent trend of feminization of the Russian army is external in nature, without affecting its essential framework, systems of internal relations. The authors makes conclusion about the presence in modern Russian army contradictions, reflecting societal trends.

Key words: army; modern society; a social institution; Patriarchal ideology; masculinity; feminist; the feminization of the army.

Становление и развитие государственности, институционализация социальной власти представляют собой процесс утверждения традиционной гендерной системы как совокупности социальных

институтов, поведения и социальных взаимодействий, предписывающихся в соответствии с полом [8]. Действительно, оформление современной, но по-прежнему патриархатной по своей су-

ти модели государственного устройства, как и в традиционном обществе, было сопряжено с жесткой поляризацией социально сконструированных по параметру биологического пола гендерных категорий феминности и маскулинности, идеологическим маркированием последней в качестве социально-позитивного и организованного, противостоящего стихийной неоформленности и хаотичности феминного/природного, требующего структурного подавления. Подобного рода методологические основания способствовали маскулинизации социальных институтов, вытеснению феминного за пределы государственности, маргинализации женщин, «сущностно» противоположных социальному субъекту.

Именно на данной идеологической платформе происходил переход к гендерному разделению труда, жестко закрепляющему дифференцированные роли женщин и мужчин, противопоставляющиеся не только по своей направленности, но, самое главное, по своей социальной значимости. Маскулинность объявлялась не просто эталоном, а начинала мыслиться, выстраиваться и многократно воспроизводиться в качестве фактически единственно реально существующей в пределах публичного социального пространства, что нашло свое отражение в официальном философском дискурсе, бурно развивающейся научной мысли, обосновывающих «естественность» и «незыблемость» подобного единственно возможного варианта социального строительства.

Жесткая структуризация социального пространства наложила отпечаток и на личностную сферу человека. В соответствии с установленными практиками подавления маркированная в качестве феминного приватная область начинает испытывать постоянное давление со стороны социального нормирования. Утверждается жесткий контроль за сексуальностью, при котором одни формы подкрепляются и многократно воспроизводятся, другие — порицаются и подавляются [8]. К первым из них относится гетеросексуальность, которая узаконивается в виде института брака, жестко воспроизводящего дихотомичную гендерную систему в пределах семьи. В свою очередь гомосексуальность, как провокация традиционной маскулинизированной организации общественного устройства, подавляется, подвергается гонению [2]. Как следствие, гомофобия пронизывает общественное и индивидуальное сознание, выступая в качестве основного инструмента поддержания патриархатной идеологии, обосновы-

вающей и узаконивающей главенство маскулинного в социальном пространстве [9, 10, 11].

Таким образом, человек, конструируемый социумом как женщина или мужчина, встраивается в гендерную систему общества, воспроизводит ее нормы и ценности посредством включенности в ежедневные практики гендерных отношений.

Индустриализация общества, высокая потребность в новых материальных ресурсах привели к индустриализации и институционализации армии как основного средства поддержания и сохранения не только политической, но и экономической стабильности и независимости государства. Этому способствовали ее особые социальные функции, среди которых, как правило, выделяют внешние и внутренние [15]:

- Внешние — сохранение неприкосновенности границ, обеспечение суверенитета государства, благоприятных условий для решения внутреннего комплекса задач, проблем, имеющих общечеловеческое значение, помощь жертвам агрессии и союзникам.

- Внутренние — обеспечение власти господствующей социальной группе, прекращение и предотвращение внутренних социальных конфликтов, грозящих развалом государству, т.е. сохранение его территориальной целостности, воспитание у граждан готовности защитить свою Родину, формирование навыков нравственного поведения в последующей трудовой деятельности, морально-психологическая подготовка молодежи к жизненным трудностям.

Согласно С. Хантингтону [4], для современной армии как социального института характерны:

1. Профессионализм в управлении силовыми методами воздействия. Современная армия обладает, несомненно, более мощными средствами, нежели те, которые оказываются доступными гражданскому населению.

2. Корпоративность. Для военнослужащих, особенно офицерского состава, характерно развитое чувство внутригруппового единства, которое отсутствует у гражданских лиц. Для представителей вооруженных сил создаются собственные школы, ассоциации, издания, у них формируются собственные традиции и обычаи. К тому же все их контакты и дружеские отношения нередко ограничены представителями собственной среды. Все это позволяет говорить о наличии особой армейской субкультуры, которая становится предметом специального научного изучения [3, 5, 16 и др.].

3. Клиентурность. Главным «клиентом» современных вооруженных сил, перед которым они и несут свою ответственность, выступает правительство страны.

4. Идеология военного сознания. Традиционно в качестве особого достоинства воинов считалась доблесть. Кроме того, поэтизировалось и идеализировалось любое военное сражение. На сегодняшний день к несомненным достоинствам представителя вооруженных сил также относятся умение подчиняться интересам группы, способность к сотрудничеству, следование главенству порядка и дисциплины.

Кроме того, ряд исследователей [4, 13, 14, 15 и др.] выделяют следующие специфические признаки армии как социального института:

1. Будучи государственной организацией, армия является силовой структурой, которая используется для защиты интересов правящей элиты и при разрешении различного рода конфликтов (как внутренних, так и международных), когда мирные средства наведения порядка уже исчерпаны.

2. Современная армия — правовая организация, функционирование которой соответствует законодательству страны и нормам международного права.

3. В отличие от других социальных институтов армия обладает боевой мощью и так называемым легитимным «духом агрессивности». Однако вместе с тем в общественном сознании армия, как правило, ассоциируется с безопасностью.

4. Являясь жестко авторитарной, иерархической системой, армия центрирована на особой группе ценностей, которые релевантны мужской культуре, традиционным стандартам маскулинности (сила, смелость, отвага, рискованность, авторитарность, иерархичность и др.). Специфика армии заключается в повышенной властности межличностных отношений и необходимости наличия у ее субъектов социально-психологической готовности к действиям как в экстремальных ситуациях, так и в условиях повседневной воинской деятельности.

5. Согласно И. Гоффману [21], можно утверждать, что армия является одним из тотальных институтов (наряду с тюрьмой, психиатрической больницей и т.п.), т.е. таким институтом, который отделен жесткой границей от остального общества, в котором стерто различие между частной и общественной сферами жизни, в котором все виды деятельности жестко регламентируются и полностью контролируются, что в целом обеспе-

чивает относительную автономию армию как «государства в государстве», ее закрытость и «непрозрачность».

6. Неотъемлемым атрибутом армии считается дисциплина. Именно дисциплина «составляет основу морального состояния войск» [12, с. 46]. Опыт свидетельствует, что ни одна армия не может быть боеспособной, пока повиновение солдат не станет привычным. Однако привычка к беспрекословному подчинению ни в коем случае не должна убивать инициативу и чувство личной ответственности военнослужащих.

7. Как социальный институт армия неотделима от социальных идеалов и крайне чувствительна к различным «общественным болезням». По утверждению специалистов, культурные ценности и идеалы, в том числе и те, которые являются частью целенаправленной государственной политики и идеологии, оказывают значительное влияние на моральный и боевой дух армии [12]. «Ушли в прошлое те дни, когда было возможно отделить моральный дух армии от морального духа нации...» И, следовательно, «если моральное состояние нации подорвано, падает и уровень боевого духа армии...» Иными словами, «самое мощное оружие армии — ее идеалы, но этот вид оружия, как и все другие, должен быть выкован нацией» [12, с. 78–79]. Однако ничтожные идеалы не могут быть источником энтузиазма военных. Не случайно уже давно замечено, что солдаты, вдохновляемые бескорыстными идеалами, сражаются с большим энтузиазмом, чем те, у которых нет таких идеалов [12].

Подобные характеристики, определяющие сущность армии, свидетельствуют о некоей консервативности, ориентированности на сохранение традиций, восходящих еще к временам Античности [6]. Одной из таковых является конструирование и воспроизведение армии в качестве маскулинизированного социального института. Высокая заинтересованность в притоке человеческих/мужских ресурсов в подобные военизированные структуры реализовывалась за счет манипуляции гендерными символами мужской идентичности, нормализации «истинной» маскулинности. Военная пропаганда объявляла «настоящим» мужчиной воина, обладающего такими атрибутами мужественности, как активность, агрессивность, жесткость и стойкость [19]. Поэтому как в обществе в целом, так и в армии в частности маскулинности, противоположные доминирующей, всячески маргинализируются, низводятся до

уровня феминности, противоположной самой социальности, общественной приемлемости.

В то же время, как это ни парадоксально, сама возможность существования армии как маскулинизированного социального института, жестко противостоящего всему феминному, невозможна без существования последнего. Однако подобное бытие мыслится в качестве необходимого лишь как существующее за пределами данного института, как то, на что направлены подчиняющие и подавляющие воздействия, определяемое пропагандистской идеологией как нуждающееся в защите, поддерживающее и питающее тем самым миф о высокой миссии вооруженных сил. Не случайным является тот факт, что наиболее незащищенными, а следовательно, страдающими от вооруженных конфликтов становятся женщины и дети, именно против них направлены агрессивные воздействия противоборствующих сторон [7 и др.]. Последствия военной агрессии используются в качестве важнейшего аргумента в оправдание необходимости усиления армии как аппарата подавления и подчинения. Иными словами, «незащищенность» феминного обосновывает институционализацию маскулинизированной армии.

Следуя логике гендерной идеологии, мужчины будут выступать поборниками войны до тех пор, пока они хотят считаться «настоящими» мужчинами, а женщины, напротив, — бороться за мир, по-прежнему нуждающийся в «защите» со стороны сильной армии. Так, манипуляция гендерными символами воспроизводит и обосновывает эскалацию социального насилия.

Конструирование армии по маскулинной модели, оправдывающей проявление агрессии, обусловливает необходимость прохождения военнотружущими обязательной строевой подготовки и подчинения их строгой дисциплине. Именно подобные занятия призваны совершенствовать физическую форму и поддерживать групповую сплоченность солдат, без которых невозможно одержать победу. Кроме того, данные занятия делают воинов терпимее к пролитию крови. Дело в том, что «прирожденных солдат», получающих несомненное удовольствие от мужского товарищества, от преодоления психологических и физических трудностей в бою и при подготовке к нему, не испытывающих трудностей, если необходимо убить человека в ситуации, дающей моральное оправдание подобного поступка, в армии не так уж и много. Большинство военнотружущих не отвечают подлинной норме твердости, их

необходимо специально обучать убивать, создавая и воспроизводя особые армейские условия [4].

Армия с ее униформой, строевой подготовкой, при которой все идут в ногу, строгой дисциплиной и жесткой субординацией постепенно становилась эталоном бюрократической организации, вписанной в патриархатную идеологию и систему ценностей традиционных гендерных отношений, провозглашающих приоритет и превосходство маскулинных эталонов как единственно возможных в рамках социального устройства. Абсолютизация армии как сферы приложения профессиональных возможностей и усилий для «настоящих» мужчин, как одного из наиболее «правильных» социальных устройств, способствовала ее популяризации, притоку большого количества людей, желающих сделать карьеру, превратила ее в одну из важнейших и влиятельных сфер жизнедеятельности. Неслучайно, что подобного рода элитная организация стала одной из наиболее иерархизированных, определяющих превосходство своих членов не только по отношению к располагающимся за ее пределами, но и жестко выстраивающих статусные позиции внутри собственной структуры. Вплоть до начала XIX в. офицерами были, как правило, аристократы [4]. В дальнейшем элитарность офицерского статуса стала поддерживаться посредством системы военного профессионального образования, всеобщий доступ к которому охранялся различного рода дискриминационными барьерами и преградами, например, гендерными, когда речь шла о женщинах.

Однако для мужчин более низкого статуса все же оставалась возможность повысить свой социальный ранг. Ее предоставляла всеобщая воинская повинность, существовавшая и существующая во многих странах, позволяющая примерить на себя одну из доминирующих маскулинностей. При этом воинская повинность, когда вступление в вооруженные силы лишено добровольности, становилась сродни инициации, позволяющей перейти из категории «мальчиков» в категорию «настоящих мужчин». Мужчина, добровольно избегнувший подобной участи, традиционно высмеивался, поскольку подобный шаг подвергал сомнению сам факт существования у данного субъекта мужественности.

В связи с зафиксированной маскулинизованностью армии до недавнего времени вооруженные силы оставались одним из оплотов гендерной дискриминации. Боевые части всех армий формировались из мужчин, командование кото-

рыми возлагалось также исключительно на представителей мужского пола. Женщинам туда путь был заказан. Все дело в том, что сконструированные традиционные идеалы воинской службы, такие как отвага, риск и мужество, всегда считались исключительно маскулинными идеалами, характеризующими «настоящих» мужчин, и не входили в стандарты феминности.

В настоящее время, под воздействием активного движения неправительственных гендерных организаций произошли реальные изменения в приоритетных направлениях политики многих стран, провозгласивших необходимость движения в сторону гендерного, расового, этнического и религиозного равенства. Наступила эпоха пропаганды борьбы с гендерной дискриминацией в сфере труда и занятости. В соответствии с декларируемыми принципами по инициативе правительств стали происходить изменения и внутри вооруженных сил.

Воинская служба перестала быть исключительно мужским делом. На сегодняшний день вооруженные силы уже немыслимы без представительниц женского пола. В этой связи в обществе продолжается процесс пересмотра патриархатных гендерных стереотипов восприятия социальной активности женщин. Так, с позиции председателя комитета начальников штабов США генерала Веси, феминизация армии представляет собой уникальную тенденцию: «Для наших вооруженных сил, — отметил генерал, — это более важное по своей значимости событие, чем изобретение ядерного оружия» [18]. Приток женщин в американскую армию стал нарастать в связи с принятием конгрессом в марте 1972 г. поправки к Конституции Соединенных Штатов «О равных правах», запрещающей любую дискриминацию по признаку пола во всех областях профессиональной деятельности граждан США. Этот шаг стал весомой победой американского либерального феминизма и дал возможность миллионам женщин реализовать свои профессиональные возможности во многих сферах общественной жизни, включая и армию. Как следствие, к началу 2005 г. женщины стали составлять 18 % представителей вооруженных сил США [17], а в настоящее время в соответствии с данными Центра оборонной информации США женщины составляют 14,4 % офицерского и 14,7 % рядового и унтер-офицерского состава вооруженных сил Соединенных Штатов. В современных американских войсках женщин-офицеров больше, чем чернокожих офицеров-мужчин. За всю историю воору-

женных сил США более 50 женщинам было присвоено воинское звание генерала или адмирала. На сегодняшний день американские женщины служат во всех видах и родах вооруженных сил: они составляют 180 тыс. рядовых, сержантов и офицеров [20].

Интересен тот факт, что впервые женщины наравне с мужчинами без каких-либо ограничений стали восприниматься в качестве полноправных военнослужащих в Канаде в 1895 г. Традиции феминизированной армии в этой стране поддерживаются и в наши дни: из 33 офицерских специальностей женщины представлены в 29 [1].

Процесс феминизации армии иностранных государств продолжается. В последнее время женщины получили право служить в рядах вооруженных сил и в тех странах, где ранее это было запрещено. Так, в Италии это произошло в 1997 г. А уже с 2000 г. военные академии ВВС, ВМС и сухопутных войск начали вести прием женщин [18].

На сегодняшний день в странах Запада женщины отдают предпочтение службе в авиации. К примеру, в ВВС США женщин 13 %, Австралии — 13,2 %, Франции — 10 %, Великобритании — 6,8 %, что превышает средний показатель по вооруженным силам обозначенных государств [1].

Рост феминизации характерен и для вооруженных сил России. Если до 1985 г. количество женщин-военнослужащих в нашей стране составляло не более 0,5 %, то в 2004 г. военную службу в Российской Федерации проходило уже 95 тыс. женщин, т.е. 9,5 % общего числа военнослужащих. Звание полковника имели 27 женщин, подполковника — 97, майора — более 350. Но, несмотря на эту положительную динамику, в нашей армии по-прежнему нет ни одной женщины-генерала [18]. Да и статистика относительно распределения женщин внутри армейской должностной иерархии однозначно свидетельствует о присутствии скрытой гендерной дискриминации. Так, получив доступ к военной службе, женщины занимают в армии самые низшие позиции, не отличающиеся высоким статусом и уровнем оплаты труда. Кроме того, женщины в основном сосредоточены на таких рабочих местах, которые по своим характеристикам приближены к гражданским (медицинские работники, связисты, секретари и т.д.), т.е. согласующихся с традиционными гендерными стереотипами, закрепляющими за женщинами традиционную функцию заботы. В этом плане весьма красноречивыми являются следующие данные: женщины-офицеры в основном

представлены в медицинской службе (74,7 %), каждая десятая трудится военным переводчиком (11,3 %), в войсках связи служат 8,7 %, в финансовой службе — 3,8 %. Незначительное представительство женщин фиксируется среди преподавателей и научных сотрудников — 1,5 % общего количества всех женщин-офицеров. Женщины могут служить в отечественных вооруженных силах по 172 специальностям [17, с. 170–171]. В военных компаниях постсоветского периода непосредственное участие в боевых действиях с прямым соприкосновением с противником принимали не более 1,2 % военнослужащих-женщин из разведывательных и десантно-штурмовых батальонов, женщины-снайперы и медицинские сестры [17, с. 182]. И это в то время как в США и странах Европы женщины успешно осваивают традиционно «мужские» военные специальности: служба на подводных лодках, боевых кораблях, в ракетных частях стратегического назначения и др. К тому же им теперь совсем незнакома гендерная дискриминация при поступлении в военные академии, в которых женщины получили возможность обучаться с 1986 г. [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что феминизация современной российской армии носит исключительно внешний характер. Дело в том, что, открыв границы для женщин, современные вооруженные силы по-прежнему полностью воспроизводят гендерную иерархию современного общества, согласно которой женщины получают доступ во многие сферы жизнедеятельности, но лишь на правах рядовых участников, лишенных возможности определять и управлять. При этом смена приоритетов в вооруженных силах, их направленность в сторону толерантности по отношению к представительницам женского пола вряд ли обусловлена исключительно процессами гуманизации. Скорее всего подобный шаг является вынужденным, поскольку в России, как, впрочем, и в ряде других стран, например в Испании, престижной службу в армии считают далеко не все молодые мужчины. Испытывая недостаток в человеческих ресурсах, военные министерства и военное командование вынуждены обращать внимание на женщин как на дешевую резервную силу, что уже не раз происходило в истории многих государств в XX в. в эпоху индустриализации промышленного производства.

Иными словами, несмотря на некоторые трансформации и движение в сторону открытости, армия по-прежнему остается оплотом маскулинных ценностей и приоритетов. Она до сих пор

не является гендерно нейтральной, поскольку, поступившись незначительными привилегиями в пользу женщин, мужская армейская «элита» сохранила главные ортодоксальные маскулинные основания своего бытия, неизменно противостоящие подавляемым феминным. В то же время, будучи одним из главных социальных институтов, вооруженные силы уже не могут оставаться в стороне от происходящих изменений в гендерных отношениях современного общества. Именно поэтому в российской армии начала XXI в. находят свое отражение общие тенденции и противоречия, типичные для общества в целом, как то: декларация всех видов равенства и одновременно изобретение и использование все более изощренных скрытых форм дискриминации по разным основаниям, что требует поиска альтернативных путей анализа и преодоления.

Список литературы

1. *Батракова Л.Г., Краснова Г.Н.* Гендерная структура занятости в вооруженных силах стран мира // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. I, № 2 (Гуманитарные науки). С. 81–85.
2. *Бем С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. 336 с.
3. *Бойко Б.Л.* Языковая картина мира армейской субкультуры (на материале немецкой и русской военной лексики) // Вестник Военного университета. 2008. № 4. С. 96–110.
4. *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
5. *Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В.* Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 186–230.
6. *Гришин В.В., Фихтнер Е.Н., Шиловская Н.С.* Античные проекты человека // Вестник Мининского университета. 2015. № 2. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/261/2-antichnye-proekty-cheloveka.pdf> (дата обращения: 20.01.2016).
7. *Зверев П.Г.* Защита женщин и детей в миротворческих операциях ООН // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 451–453.
8. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Гендерная система // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С. 44–46.
9. *Киммел М.* Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики / под ред. Ш. Берд и

- С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 38–57.
10. Кон И.С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. 2007. № 4(90). С. 59–69.
 11. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 495 с.
 12. Коупленд Н. Психология и солдат. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1958. 136 с.
 13. Макарычев А.С. Гендерные аспекты безопасности в контексте проблем глобализации // Гендерные аспекты безопасности в регионах Приволжского федерального округа / под ред. А.С. Макарычева, О.Ю. Романовой. Н. Новгород: Центр социально-экономической экспертизы: Женская сетевая программа ИОО, 2003. С. 7–42.
 14. Охремчук С.И. Жить — Родине служить // Педагогика. 2001. № 2. С. 3–8.
 15. Пузикова С.М. Армия как социальный институт: проблемы и перспективы // Вестник КазГУ. Серия экономическая. 1998. № 7. С. 35–38.
 16. Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1. С. 213–219.
 17. Рыков С.Л. Личностная самореализация военнослужащих-женщин в военно-социальной среде // Гендерные стереотипы в современной России / сост. и общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 169–186.
 18. Рыков С.Л. У армии теперь и мужское и женское лицо // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-07-29/4_science.html (дата обращения: 19.01.2016).
 19. Рябов О.В. Матушка-Русь. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
 20. Слабые мужчины, сильные женщины или унисекс? URL: <http://www.b17.ru/journal/9218/> (дата обращения: 22.01.2016).
 21. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. 336 p.
 - ya Publ., 2004. 336 p. (In Russian).
 3. Bojko B.L. [Language picture of the world of the military sub-culture (on the material of German and Russian military vocabulary)]. *Vestnik Voennogo universiteta* [Herald of the Military University]. 2008, no 4, pp. 96–110. (In Russian).
 4. Giddens A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial Publ., 2005, 632 p. (In Russian).
 5. Golovin V.V., Lure M.L., Kuleshov E.V. [Subculture of conscripts]. *Sovremennyy gorodskoj folklore* [Modern urban folklore]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2003, pp. 186–230. (In Russian).
 6. Grishin V.V., Fihntner E.N., Shilovskaya N.S. [Antique projects of person]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University]. 2015. no 2. Available at: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/261/2-antichnye-proekty-cheloveka.pdf> (accessed 20.01.2016). (In Russian).
 7. Zverev P.G. [The protection of women and children in UN peacekeeping operations]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2014, no 7, pp. 451–453. (In Russian).
 8. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. [Gender system]. *Slovar gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Moscow, Informatsiya XXI vek Publ., pp. 44–46. (In Russian).
 9. Kimmel M. [Masculinity as homophobia: fear, shame and silence in construction of gender identity]. *Naslazhdenie byt' muzhchinoj: zapadnye teorii maskulinnosti i postsovetskie praktiki* [Pleasure to be a man: Western theories of masculinity and post-Soviet practices]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2008, pp. 38–57. (In Russian).
 10. Kon I.S. [Homophobia as a litmus test of Russian democracy]. *Vestnik obschestvennogo mneniya* [Herald of public opinion]. 2007, no 4(90), pp. 59–69. (In Russian).
 11. Kon I.S. *Muzhchina v menyayuschemsya mire* [A man in a changing world]. Moscow, Vremya Publ., 2009, 495 p. (In Russian).
 12. Kouplend N. *Psihologiya i soldat* [Psychology and the soldier]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo MD USSR Publ., 1958, 136 p. (In Russian).
 13. Makarychev A.S. [Gender aspects of security in the context of globalization]. *Gendernye aspekty bezopasnosti v regionah Privolzhskogo federalnogo okruga* [Gender aspects of security in the regions of the Volga Federal district]. Nizhniy Novgorod, Center of social and economic expert evaluation and Women net program IOO Publ., 2003, p. 7–42. (In Russian).
 14. Ohremchuk S.I. [To live — to serve the Motherland]. *Pedagogika* [Pedagogics], 2001, no. 2, pp. 3–8. (In Russian).
 15. Puzikova S.M. [Army as a social institution: chal-

Получено 24.01.2016

References

1. Batrakova L.G., Krasnova G.N. [The gender structure of employment in the armed forces of the countries of the world]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Herald]. 2013, vol. I, no 2, (Humanities), pp. 81–85. (In Russian).
2. Bem S. *Linzy gendera: transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopedi-

- lenges and prospects]. *Vestnik Kazakhskij state University. Seriya ekonomicheskaya* [Herald of Kazakh state University. Economic series]. Almaty, 1998, no 7, pp. 35–38. (In Russian).
16. Romanova E.N. [Military culture and its main characteristics]. *Vestnik Samarskogo gos. Universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2008, no 1, pp. 213–219. (In Russian).
 17. Rykov S. [Personal self-realization of military women in the military-social environment]. *Genderные стереотипы в современной России* [Gender stereotypes in modern Russia]. 2007, pp. 169–186. (In Russian).
 18. Rykov S. [The army has both male and female face]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent military review]. Available at: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-07-29/4_science.html (accessed 19.01.2016). (In Russian).
 19. Ryabov O.V. *Matushka-Rus'* [Mother-Rus]. Moscow, Ladomir Publ., 202 p. (In Russian).
 20. *Slabye muzhchiny, sil'nye zhenschiny ili uniseks?* [Weak men, strong women or unisex?]. Available at: <http://www.b17.ru/journal/9218/> (accessed 22.01.2016). (In Russian).
 21. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. 336 p. (In English).
- The date of the manuscript receipt 24.01.2016*

Об авторах

Семенова Вера Эдуардовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65; e-mail: verunehka08@list.ru

Семенова Лидия Эдуардовна

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры классической и практической психологии

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1; e-mail: verunehka08@list.ru

About the authors

Semenova Vera Eduardovna

PhD. in Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Politology

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 65, Ilyinskaya str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russia; e-mail: verunehka08@list.ru

Semenova Lidiya Eduardovna

Doctor of Psychology, Docent, Professor of Department of Classical and Practical Psychology

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University), 1, Ulyanov str., 603950, Nizhniy Novgorod, 603950, Russia; e-mail: verunehka08@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Армия и маскулинность в контексте патриархальной системы современного общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 38–45.

Please cite this article in English as:

Semenova V.E., Semenova L.E. The army and masculinity in the context of the patriarchal system of modern society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Вып. 1(25). P. 38–45.